

ВЛАСТЬ И ЦЕРКОВЬ

УДК 94(470.12-25)''15'':27-772

doi 10.17072/2219-3111-2022-2-190-199

Ссылка для цитирования: *Усачев А. С.* Вологодская кафедра и Иван IV // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 2(57). С. 190–199.

ВОЛОГОДСКАЯ КАФЕДРА И ИВАН IV¹

А. С. Усачев

Российский государственный гуманитарный университет, 125993, Россия, ГСП-3, Москва, Миусская пл., 6; Московский государственный институт международных отношений МИД РФ, 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76

asuuas1@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4436-6269

ResearcherID: T-4824-2017

Scopus Author: 55652752200

В работе рассматривается вопрос о причинах значительного повышения статуса Вологодской епархии в последней трети XVI в. Установлено, что это явилось важной составной частью комплекса мероприятий русского правительства, направленных на создание резервной резиденции для русского царя. Потребность в ней возникла в условиях возрастания напряженности на южной границе в середине 1560-х гг. Выбор Вологды определялся ее удаленностью от южной границы, расположением в самом центре Сухоно-Двинского пути, связывавшего Россию со странами Западной Европы, а также фактическим пребыванием там епископа. В 1565 г. Вологда была взята в опричнину, на территории уезда не позднее 1567 г. стали испомещать опричников, в городе началось строительство каменного собора и кремля. Статус Вологды как центра епархии был формализован: не позднее лета 1569 г. он официально был перенесен из Усть-Вьмы в Вологду. В церковной иерархии кафедра переместилась с одиннадцатой строки на шестую. Территория епархии была значительно расширена за счет присоединения части Поморья, ранее входившей в состав Новгородской епархии. Сворачивание мероприятий по созданию «резервной» столицы было связано с решительной победой русских войск над войсками Крымского ханства при Молодях летом 1572 г. Она привела к ослаблению напряженности на южной границе. Свою роль в прекращении дорогостоящего каменного строительства в Вологде сыграл и экономический кризис 70-х гг. Однако полученный на рубеже 60–70-х гг. новый статус Вологодская кафедра сохранила.

Ключевые слова: Вологда, Вологодская епархия, Русская церковь, церковная иерархия, опричнина, Иван Грозный, XVI в.

На протяжении основной части XVI в. положение пермского и вологодского владыки в церковной иерархии было незавидным. В тех случаях, когда он присутствовал на Освященном соборе (1503, 1511, 1531, 1539, 1542, 1547, 1551, 1555, 1562, 1563, 1564 и 1566 гг.), среди архиереев он занимал более чем скромное место – последнее. В зависимости от числа кафедр в конкретный момент речь шла о 9–11-й строке в перечне владык. Неудивительно, что к контролю над этой кафедрой не стремились представители наиболее влиятельных групп в Русской церкви. Так, из почти двух десятков архиереев, вышедших из стен Иосифо-Волоколамского монастыря, ни один не был поставлен на Вологодскую кафедру. В первой половине – третьей четверти XVI в., как правило, архиереями становились иноки монастырей Северо-Востока и Поморья – Дионисиева Глушицкого (Никон и Протасий), Соловецкого (Пимен (Ходынкин)), Кирилло-Белозерского (Алексий). Определенным исключением в этом ряду стал игумен столичного Богоявленского монастыря Киприан, занимавший кафедру ок. 1546 – не ранее 1562 г. Однако к числу обитателей первой строки Богоявленскую отнести сложно – занимая 5-ю строчку в иерархии монастырей Москвы, она значительно уступала по своему статусу Спасо-Андроникову, Чудову, Симонову и, конечно, Новоспаскому монастырям.

Изменение статуса Вологодской кафедры мы наблюдаем в соборном приговоре 1572 г. В представленном в нем перечне архиереев вологодский владыка помещен на 4-ю строчку (Всероссийская кафедра в этот период была вакантна, а казанский владыка на собор не приехал). Как видим, вологодский епископ в иерархии был поднят выше всех прочих епископов – по своему новому статусу он уступил лишь трем архиепископам (новгородскому, ростовскому и полоцкому). Приговоры 1580 и 1584 гг. закрепляют 5-е место кафедры после Всероссийской, Новгородской, Казанской и Ростовской (Полоцкая к этому времени уже была утрачена). Начиная с 1589 г. ввиду резкого статусного рывка Крутицкой кафедры, обогнавшей среди прочих кафедр и Вологодскую, положение последней снижается до 6-й позиции, но не ниже. Это мы наблюдаем и в перечнях архиереев 1592 и 1598 гг.² В условиях увеличения общего числа епархий в конце XVI в. (в это время появляются Псковская, Карельская и также Архангельского собора кафедры) говорить о значительном падении престижа вологодского владыки не приходится. На это среди прочего указывает и наличие у архиепископа вологодского серебряной печати с позолотой. Она была приложена к Утвержденной грамоте 1598 г. Такой же печатью пользовались лишь митрополиты – новгородский, казанский, ростовский и крутицкий (Акты..., 1836, т. 2, с. 46–47).

Очевидно, что на период между 1566 и 1572 гг. приходится значительное усиление позиций данной кафедры. В чем причина? В поисках ответа обратим внимание на ряд фактов. Хотя большинство из них известно исследователям истории Церкви, внешней и внутренней политики и архитектуры, в своей совокупности с изменением статуса Вологодской епархии нашими предшественниками они не связывались.

Прежде всего отметим, что статус епархии стал повышаться несколько ранее. Вологодский Спасо-Каменный монастырь не позднее 1561/62 г. первым в истории епархии стал архимандритией [Черкасова, 2012, с. 34]. Не позднее лета 1571 г. настоятель этой обители стал приглашаться в столицу для участия в работе Освященного собора, тем самым повысив представительство данной кафедры в главном органе церковного управления (архимандрит этой обители Иоасаф фигурирует на 10-м месте среди настоятелей монастырей в поручной записи членов Освященного собора по кн. И.Ф. Мстиславском) (Собрание государственных грамот..., 1813, ч. 1, с. 564–565).

На 1560-е гг. приходится перенос епархиального центра кафедры из Усть-Выми (ныне – село в Усть-Вымском районе Республики Коми) в Вологду, которая была присоединена к Пермской кафедре в 1492 г. [Покровский, 1897, с. 116; Черкасова, 2012, с. 86]. С перемещением официальной резиденции архиерея связано и переименование кафедры с Пермской и Вологодской в Вологодскую и Великопермскую. Точная дата этого события неизвестна. В приговоре Земского собора от 2 июля 1566 г. местный владыка упомянут еще со старым титулом («Смиранный Иоасаф, божиею милостию епископ Пермьскы и Вологоцкы») [Антонов, 2004, с. 180]. Вероятно, изменение титула и, соответственно, перенос центра епархии состоялись не позднее июля 1569 г. М. С. Черкасова обратила внимание на то, что в жалованной грамоте Ивана IV Николо-Катромскому монастырю под 18 июля 1569 г. упомянут «Вологодский и Великопермский» епископ, имя которого, однако, не приведено [Черкасова, 2012, с. 88]. Вероятно, выдача грамоты состоялась после ухода с кафедры Иоасафа и до поставления Макария. Новый титул («Вологоцкий и Великопермский») уже применительно к Макарию фиксируется под 29 апреля 1572 г. в тексте соборного приговора (Акты..., 1836, т. 1, с. 330). В грамотах, исходящих от вологодских владык, он закрепился не позднее 14 сентября 1572 г. [Черкасова, 2012, с. 88].

Хотя и ранее пермские епископы, по-видимому, проводили основное время в Вологде [Покровский, 1897, с. 116; Черкасова, 2012, с. 86], перемещение официальной резиденции существенно повысило статус епархии. С одной стороны, ее центр стал располагаться существенно – почти на 600 км – ближе к столице. С другой – им стал несравнимо более значимый город, некогда бывший столицей удельного княжества. Трудно сомневаться в том, что строительство каменного собора в Вологде по образцу столичного Успенского собора в эти годы – в 1568–1570 гг. (первоначально планировалось и аналогичное посвящение храма) – было связано с изменением церковного статуса города, официально ставшего центром епархии. Завершение отделки и освящение собора во имя св. Софии состоялись, правда, лишь в XVII в.

Обратим внимание и на прочие каменные постройки в Вологде этих лет. Помимо собора, в рассматриваемый период началось строительство каменного кремля, возведение которого, правда, в XVI в. не было завершено (отдельные работы над ним велись в первой половине – середине XVII в.) [Кукушкин, 2018]. Подготовительные работы начались осенью 1565 г. Летопись сообщает о том, что «тоя же осени царь и великий князь заложил город Вологду камен и повеле рвы копати и подошву бити и на городовое здание к весне [1566 г. – А.У.] повеле готовить всякие запасы» (Дополнения..., 2000, с. 400). Судя по всему, данное распоряжение царь отдал лично на месте. Известно, что с 21 сентября по 27 декабря 1565 г. он совершал объезд по Северо-Востоку, посетив Троицу, Александрову слободу, Переславль, Ростов, Ярославль, Кирилло-Белозерский монастырь и Вологду (Дополнения..., 2000, с. 399–400). Непосредственные работы по возведению стен начались весной 1566 г. Их курировал видный член опричной Думы И. А. Бутурлин, наделенный самими широкими полномочиями. Согласно наблюдениям В. Д. Назарова, проанализировавшего его деятельность, он, по сути, исполнял функции «опричного дворецкого в сочетании с функциями наместника» [Назаров, 2001, с. 416–417]. Государь по возможности лично наблюдал за работами, к которым были привлечены иностранные специалисты (состоящий на русской службе Размысл Петров и английский инженер Хэмфри Локк). Посещал Вологду царь и позднее. Летопись сообщает, что 3 февраля 1567 г. Иван IV вместе с женой и царевичами Иваном и Федором отправился на богомолье в Троицу, а затем «поехаша в объезд на Вологду досмотрити градсково основания на Вологде и всякого своего царского на Вологде строения». Посетив также Кириллов, в Москву царь вернулся лишь 29 июня. Навещал Вологду государь и летом 1569 г. (Дополнения..., 2000, с. 407). Еще до завершения строительства в город было доставлено 300 пушек, которые должны были быть размещены на стенах. Гарнизон города был значительно усилен прибывшими из Москвы 500 стрельцами [Скрынников, 1992, с. 353]. Для того, чтобы обеспечить бесперебойную связь Вологды с ключевыми городами страны (прежде всего Москвой и Новгородом), в 1567–1568 гг. в ее окрестностях поселили 300 ямских охотников, которые обслуживали Московскую и Кирилловскую дороги [Гневашев, 2020, с. 25].

На особое внимание царя к Вологде указывает ее включение в опричину уже в 1565 г. Не позднее июня 1567 г. на территории уезда из фонда чернососных и дворцовых земель начались массовые раздачи поместий опричникам. Среди них были и такие лично близкие к Ивану IV лица, как В. Г. Грязной и Ф. А. Басманов. Правда, часть земель, которые были запланированы к раздаче, так и не были розданы. Позднее они пополнили земельные владения ряда вологодских обитателей. Очевидно, что применительно ко второй половине 60-х гг. XVI в. речь шла об укреплении социальной базы государя в этом регионе [Назаров, 1968, с. 106–114; Назаров, 2001, с. 416–417]. Сама Вологда, население которой в эти годы пополнилось приехавшими вместе с И. А. Бутурлиным московскими приказными людьми, с демографической точки зрения стала приобретать черты столичного города [Назаров, 2001, с. 417].

Яркой иллюстрацией особого внимания царя к Вологодской епархии служит деятельность самого близкого к нему лица в Русской церкви в 70-е – 1584 г. – архимандрита Спасо-Андроникова, затем Троице-Сергиева монастырем Феодосия Вятки, на протяжении многих лет духовника Ивана IV (после смерти самодержца он занял Рязанскую кафедру) [Усачев, 2021, с. 11–23]. Отлично зная об особом расположении государя к Вологде, Феодосий дал по крайней мере два вклада по пермском епископе Иоасафе (1562 – ранее июля 1569 г.), на время которого пришлось усиление позиций кафедры, – в Троицу (Вкладная книга..., 1987, с. 39) и Антониево-Сийский монастырь [Исюмов, 1917, с. 8]. Давал Феодосий вклады и в крупнейшие вологодские монастыри – Спасо-Каменный (Отчет..., 1900, с. 101) и Спасо-Прилуцкий (Переписные книги..., 2011, с. 43). Чем же был обусловлен такой интерес к Вологде царя и близких к нему лиц?

Свою, надо думать, весьма значимую роль сыграл здесь внешнеполитический фактор. В середине – второй половине 1560-х гг. не без участия польских дипломатов осложнилась ситуация на южных рубежах страны, которая была втянута в изнурительную Ливонскую войну, уже принявшую неблагоприятный для России оборот. На этот период пришлось резкое обострение отношений с Крымским ханством и стоящей за ним Османской империей, бывшей в этот период, без сомнений, самой могущественной державой Европы. В октябре 1564 г. войска крымского хана совершили поход на Переяславль-Рязанский, разорив его окрестности, в

октябре 1565 г. они дошли до Болхова. После некоторого затишья в 1566 г., которое, однако, не принесло заключение так ожидаемого в Москве договора с крымским ханом, военные действия возобновились. Осенью 1567 г. татары предприняли поход на Северный Кавказ, который был направлен на ослабление позиций России в Кабарде. В мае – сентябре 1569 г. совместными усилиями крымские татары и турки пытались, правда, безуспешно взять Астрахань. Не надеясь на крепость ее стен, правительство главные силы русской армии летом – осенью этого года стянуло к Нижнему Новгороду. Весной 1570 г. на южную окраину Русского государства татары вновь совершили набег, правда, не причинивший особого вреда (русские войска своевременно были стянуты к границе). Однако весной – летом этого же года в результате удачного для войск крымского хана похода на Кабарду позиции России в этом регионе значительно ослабли. В мае 1571 г. крымским татарам удалось обойти главные силы русской армии и сжечь Москву. Лишь 30 июля – 2 августа 1572 г. соединенным силам опричных и земских воевод под командованием кн. М. И. Воротынского удалось разгромить главные силы крымского хана у села Молоди и тем самым на длительное время снять угрозу на южных рубежах страны. Помимо военных потерь, крымского хана от последующих активных действий удерживала и смерть его союзника – польского короля Сигизмунда II Августа (7 июля 1572 г.), – положившая начало продлившемуся несколько лет периоду «бескоролевья» в Речи Посполитой [Виноградов, 2007, с. 46–230; Виноградов, Малов, 2011, с. 202–252].

Однако в середине 60-х гг. XVI в. этот благоприятный для страны финал противостояния с Крымом русским властям известен не был. В сложной внешнеполитической ситуации – вскоре после походов татар осенью 1564 и 1565 гг. – было принято решение о создании «резервной» резиденции для русского царя. Выбор пал на весьма удаленную от южных рубежей Вологду.

Наряду с внешнеполитическим немалую роль сыграл и внутривластный фактор, который большинство исследователей склонно абсолютизировать³. На этот период приходится разделение страны на земщину и опричнину (1565–1572). Центром последней стала Александрова слобода. Она находилась к Москве намного ближе – более чем в четыре раза – нежели расположенная в северо-восточном углу страны Вологда. Слобода могла выполнять и выполняла функции политического и отчасти административного центра. Известно, что царь в ее стенах принимал иностранных послов и вершил важные государственные дела. Однако полноценной резиденцией царя Александрова слобода – по сути, дворцовое село – стать не могла. Дело было не только в ее относительной близости к югу.

Это прежде всего было связано с весьма низким статусом Слободы. В литературе ведутся споры о том, являлась ли она городом или нет [Морозов, 2006; Рыков, 2007]. Вне зависимости от решения этого вопроса очевидно, что, даже располагая крупными каменными постройками (крепостные стены, Государев двор, Троицкая и Покровская церкви) [Кавельмахер, 2008], Александрова слобода никогда заметным церковным центром не являлась. Обратим внимание на исключительно важный факт: значимые церковные мероприятия в ее стенах никогда не проводились. Даже в самые насыщенные казнями годы (1568–1571) главный орган управления Русской церковью – Освященный собор – заседал не в опричной Александровой слободе, а в оставленной земщине Москве. В ней постоянно проживали митрополит и крутицкий епископ, находились подворья владычных кафедр и крупнейших монастырей. Временные поездки отдельных архиереев и настоятелей обителей в Слободу не могли заменить налаженную веками систему церковного управления из Москвы, которая была центром сосредоточения не только политической, но и церковной элиты.

Рассматривая возможные мотивы, которыми руководствовался Иван IV, выбирая себе резиденцию, обратим внимание на хрестоматийный факт: в 1547 г. он принял царский (по сути, императорский) титул. Это не только сообщало ему особый статус, но и накладывало особые обязанности. Главная заключалась в необходимости путем заботы о Церкви обеспечить чистоту православия. В Слободе – по сути, большом селе, которое никогда не располагало и не могло располагать собственной владычной кафедрой, – в отрыве от церковной элиты самодержец не мог осуществлять свою главную «царскую» функцию. Трудно сомневаться в том, что искренне убежденный в своей миссии хранителя православия Иван IV не желал ограничивать круг своих полномочий исключительно политической составляющей. Именно поэтому он, даже проживая

в Слободе, постоянно поддерживал связь с руководителями Церкви, неоднократно посещая столицу, крупнейшие епархиальные центры и обители. Этого, конечно, было недостаточно.

На первый взгляд, с точки зрения статуса, а также удаленности от южной границы Новгород в качестве «резервной» столицы выглядел намного предпочтительнее Вологды. Это был второй по значению город страны, по сути, ее культурная столица. К тому же его укрепления за всю его историю ни разу не были взяты штурмом. Новгород являлся центром второй по значению (после Всероссийской) кафедры. Недаром государь именно в этот город отправился вместе с казной в период нашествия татар летом 1572 г.

Однако, судя по всему, по соображениям как внешне-, так и внутривластного порядка Новгород в роли резиденции не устраивал царя, по крайней мере до 1569/70 г. Во-первых, в условиях Ливонской войны, которая велась в том числе и на северо-западе, с точки зрения безопасности Новгород был не самым удачным вариантом. Недаром период осады Пскова войсками Стефана Батория (1581–1582) государь пережил не в Новгороде, а в гораздо более удаленной от северо-западной границы Старице.

Во-вторых – и это, безусловно, было главным – царь не доверял новгородцам. Если в социальном плане главным источником «измены» для него были представители аристократии, то в географическом – безусловно, Новгород [Скрынников, 1992, с. 358–360; Зимин, 2001, с. 191]. Именно на этот город, а также на Псков он направил опричное войско зимой 1569/70 г. Цена, заплаченная за повышение уровня лояльности северо-запада в глазах царя, известна: за время похода было «отделано» до 2,8 тыс. новгородцев и псковичей (включая лиц, пострадавших по делу кн. Владимира Старицкого осенью 1569 г.) [Скрынников, 1992, с. 383–385]. По-видимому, после событий зимы 1569/70 г. Иван IV считал, что основные новгородские «изменники» погибли от рук опричников, и город стал для него гораздо более безопасным с внутривластного точки зрения [Скрынников, 1992, с. 472–474]. Вероятно, поэтому в преддверии похода татар на Москву летом 1572 г. царь с казной отправился в Новгород. Однако выбор в пользу Вологды был сделан ранее – не позднее осени 1565 г.

Очевидно, что со всех точек зрения Вологда в качестве резиденции царя устраивала больше, нежели Александрова слобода. Она была существенно дальше от южной и северо-западной границы. Обратим внимание и на общеизвестный факт: со второй половины XVI в. экономическое значение Вологды резко возросло. Это обуславливалось началом функционирования с 50–60-х гг. XVI в. главной торговой артерии страны – Сухоно-Двинского пути, связавшего Россию со странами Западной Европы. В условиях Ливонской войны это был единственный бесперебойно функционирующий маршрут из Англии, Соединенных провинций и ряда других стран в Россию. Вологда была ключевым пунктом на этом пути. Очевидно, что она являлась значимым источником доходов от таможенных пошлин.

Не менее очевидно и другое: путь из Вологды к Белому морю и, соответственно, к берегам дружественной России Англии был существенно короче и безопаснее, нежели из Москвы. «Английскому фактору» Иван IV в эти годы придавал особое значение. Так, в июне 1569 г. – в самый разгар похода крымско-турецкого войска на Астрахань, итог которого предсказать было сложно, – русский государь, ожидая развития событий в Вологде, заключил соглашение с представителями английской королевы Елизаветы I о предоставлении в случае необходимости убежища ему и его семье на Британских островах [Скрынников, 1992, с. 348]. По сообщению Дж. Горсея, в Вологде в тайне были построены не менее 20 крупных судов, число которых в скором времени должно было удвоиться [Горсей, 1990, с. 72–73]. Согласно «Летописцу Ивана Слободского», нашествие крымского хана на Москву в мае 1571 г. царь пережил в Вологде, будучи готовым к отплытию на Север (Летописец..., 1982, с. 195). Другие источники, правда, менее категоричны, сообщая лишь о том, что царь во время похода крымского хана на Москву находился где-то на северо-востоке страны [Зимин, 2001, с. 271; Скрынников, 1992, с. 426–427]. Нельзя исключить возможных планов царя переждать в стенах Вологды и летний поход татар на Москву 1572 г. Однако, согласно «Летописцу Ивана Слободского», в этом году в городе разразилось моровое поветрие (Летописец..., 1982, с. 195). Возможно, в этой ситуации царь считал за благо ожидать развязки событий на юге в Новгороде, отношении к которому у него постепенно менялось после 1569/70 г.

При выборе резиденции наряду с местом расположения города большое, возможно, определяющее значение имел и его церковный статус. Будучи на протяжении веков значимым центром, Вологда *de facto* еще с конца XV в. являлась епархиальным центром, в котором местный архиерей, судя по всему, и проживал, хотя и неофициально. При этом официальной резиденцией в середине 60-х гг. XVI в. являлась весьма удаленная от столицы Усть-Вымь, а сама епархия занимала более чем скромное положение в церковной иерархии – последнее.

Для создания полноценной резиденции в этом городе, в котором государь мог пребывать более или менее длительное время с относительным комфортом, требовались три вещи. Во-первых, создание необходимой инфраструктуры для проживания государя и его приближенных – прежде всего, укрепленного кремля с необходимыми помещениями, включая, конечно, и достойный русского самодержца собор. Во-вторых, по различным причинам Ивану IV жизненно необходимо было окружить себя значительным числом преданных ему служилых людей, которые бы постоянно проживали в Вологде или ее округе. В-третьих, для царя – главного защитника русского православия! – было важно обеспечить постоянное присутствие рядом с собой по крайней мере одного значимого руководителя Церкви, располагавшего относительно высоким статусом. Последнее требовало формализации статуса Вологды как епархиального центра и повышения места самой кафедры в иерархии. И то, и другое, и третье было сделано между 1566 и 1572 гг. В городе началось интенсивное каменное строительство, была налажена его связь со значимыми регионами страны, на территории Вологодского уезда в массовом порядке начались поместные раздачи опричникам, а резиденция местного владыки официально была перемещена из Усть-Выми в Вологду, не позднее 29 апреля 1572 г. епархия в церковной иерархии поднялась с 11-й на 6-ю позицию.

Рассматривая меры, направленные на повышение значения Вологодской кафедры, обратим внимание на любопытный факт. В рассматриваемый период ее территория была существенно – едва ли не вдвое – расширена. В 1570/71 г. – вскоре после похода Ивана IV на Новгород – «Двина, Колмогоры, Каргополь, Турчасово, Вага и с уезды» из ведения Новгородской кафедры были переданы вологодскому владыке. После того как репрессии против последней уже канули в Лету, в 1584 г. (вероятно, в июле) Поморье было возвращено Новгородской кафедре (Акты..., 1836, т. 3, с. 170). Утвержденная грамота 1589 г. именует Александра «митрополитом великого государства Новгорода и Великих Лук и всего Поморья» (Собрание государственных грамот..., 1819, ч. 2, с. 98). Возврат Поморья Новгороду, впрочем, не сказался на статусе Вологодской кафедры. Занятое на рубеже 60–70-х гг. положение в церковной иерархии она сохранила.

Закономерен вопрос: почему столь значительные усилия, направленные на создание «резервной» столицы, не были доведены до конца: уже построенный каменный собор не был отделан и освящен, кремль не достроили, а часть запланированных к раздаче земель так и не раздали верным государю служилым людям?

Ответ лежит в сфере как внешней, так и внутренней политики. Решительная победа над татарами летом 1572 г. на долгие годы ликвидировала угрозу на южных рубежах и тем самым сняла с повестки дня задачу обустройства «запасной» резиденции государя. В условиях ослабления напряжения на южной границе она попросту стала не нужна. В случае возникновения острой необходимости (как, например, летом 1572 г.) в данном качестве уже вполне могли использовать Новгород, «мятежный дух» которого, по мнению столичных властей, был сломлен в результате похода 1569/70 г. В начале 80-х гг. сходные функции будет выполнять и Старица. Свою, вероятно, немалую роль сыграли и соображения экономического плана. В 70-е гг. страна вступила в растянувшийся более чем на десятилетие экономический кризис, в условиях которого продолжение финансирования весьма затратного каменного строительства, по-видимому, было сочтено непозволительной роскошью. Свою роль могло сыграть и моровое поветрие в Вологде в 1572 г., которое могло резко сократить число занятых в строительстве лиц. Поэтому дорогостоящие мероприятия по обустройству временной столицы не были доведены до конца. Однако полученный кафедрой статус за ней закрепился. Более того, в последние десятилетия рассматриваемого столетия мы наблюдаем усиление позиций Вологодской кафедры, а также оживление ее контактов со столичной церковной и политической элитой.

Возросший авторитет и влияние кафедры, в частности, демонстрирует заметное усиление ее связей со значимыми обителями центра страны. Если, как правило, ранее кафедру возглавляли представители монастырей северо-востока и Поморья, то в последней четверти XVI в. речь уже шла о лицах, тесно связанных со столичной элитой. Епископ Антоний (1585–1587) до поставления на Вологодскую кафедру являлся настоятелем дорогобужского Герасимова Болдина монастыря, которому активно покровительствовали исключительно влиятельные в этот период Годуновы (вероятно, при их поддержке Антоний и занял кафедру) [Усачев, 2018a]. Несомненным влиянием в столице пользовался и преемник Антония Иона (Думин) (1588–1603) – постриженник, а затем и архимандрит Владимирского Рождественского монастыря, занимавшего вторую строку (после Троицы) в иерархии русских обителей. Помимо упоминаемого выше исключительно влиятельного духовника Ивана IV Феодосия Вятки, с вологодскими обителями в этот период были тесно связаны и по меньшей мере два архимандрита кремлевского Чудова монастыря (третьей по статусу обители столицы) – дававший вклады в Спасо-Прилуцкий монастырь Христофор (1579–1587) и Пафнутий (1595–1604). Последний был поставлен в чудовские настоятели из братии Павлова-Обнорского монастыря, вероятно, при поддержке Ионы (Думина) [Усачев, 2018б, с. 346]. Связи вологодских владык в столице способствовали и появлению у них в 1598/99 г. вотчины в весьма отдаленном от их епархии уезде – Московском. Вотчину пожаловал Ионе (Думину) Б. Ф. Годунов, к этому времени уже вззошедший на престол [Башилин, 2019]. Появление подмосковной вотчины было связано с необходимостью обеспечения всем необходимым столичного подворья вологодского владыки, которое в этот период он, судя по всему, стал навещать гораздо чаще, нежели его предшественники (об активизации деятельности Освященного собора в конце XVI в., требовавшей регулярных визитов в Москву его участников, см. [Павлов, 2010]).

Подводя итоги, отметим, что значительное упрочнение позиций Вологодской кафедры при Иване IV стало следствием сплетения воедино целого ряда факторов – как внешне-, так и внутривластного характера. В условиях политического кризиса и возрастания напряженности на южной границе царю потребовалась новая резиденция, которая находилась бы от юга существенно дальше, нежели Александрова слобода, и статус которой был бы значительно выше. Взор государя, долгие годы подозревавшего в измене Новгород, – казалось бы, идеальный вариант! – не позднее осени 1565 г. обратился к Вологде. На протяжении нескольких лет она обустроивалась для русского царя, в ее округе испомещали верных ему опричников, а церковный статус города и епархии в целом существенно повысили. За стенами недавно построенной каменной крепости самодержец провел полностью или частично исключительно опасное своими возможными внешнеполитическими последствиями лето 1569 г. и, возможно, не менее опасный май 1571 г. Решительная победа над татарами летом 1572 г., на долгие годы обеспечившая относительный покой на южной границе, в условиях экономического кризиса 70-х гг. XVI в. побудила власти отказаться от продолжения финансирования весьма дорогостоящих мероприятий по обустройству и обслуживанию «резервной» резиденции царя. Вологодский кремль так и остался недостроенным, собор не был отделан и освящен, но приобретенный в эти годы статус кафедра сохранила.

Примечания

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00218).

Пользуясь случаем, выражаем самую искреннюю признательность В. Д. Назарову, М. С. Черкасовой и А. В. Белякову, сделавшим ряд ценных замечаний, учтенных при доработке текста данной работы.

² В 1592 г. при отсутствии новгородского владыки на очень короткое время вологодский владыка занял 5-е место в иерархии.

³ Например, Р. Г. Скрынников рассматривал строительные работы Иван IV в Вологде как попытку создать «северную опричную столицу» в силу того, что «в глазах подозрительного царя Слобода не была надежным убежищем из-за близости Москвы». Приостановку строительных работ историк связал исключительно с планами по отмене опричнины [Скрынников, 1992, с. 352, 458]. Также см. [Казакова, 1978, с. 200; Зимин, 2001, с. 98].

Список источников

- Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 1. СПб.: Тип. П Отд-я Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836.
- Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 2. СПб.: Тип. П Отд-я Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836.
- Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 3. СПб.: Тип. П Отд-я Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М.: Наука, 1987. 439 с.
- Горсей Дж.* Записи о России XVI – начало XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1990. 287 с.
- Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты. Вологда: Древности Севера, 2011. 495 с.
- Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1896 г. СПб.: Б.и., 1900. 200 с.
- Дополнения к Никоновской летописи // ПСРЛ. Т. 13, ч. 2. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 303–408.
- Летописец Ивана Слободского // ПСРЛ. Т. 37. Л.: Наука, 1982. С. 194–199.
- Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. М.: Тип. Н.С. Всеволожского, 1813. 643 с.
- Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. М.: Тип. Селиванского, 1819. 610 с.

Библиографический список

- Антонов А.В.* Приговорная грамота 1566 года // Русский дипломатарий. М.: Древлехранилище, 2004. Вып. 10. С. 171–182.
- Бащин Н.В.* Вотчина Вологодского архиерейского дома Св. Софии в Московском уезде в конце XVI–XVIII в. // Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV–XVII в. М.; Калуга: Калуж. гос. ин-т развития образования, 2019. С. 293–297.
- Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения: 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. Ч. 2. М.: ИРИ РАН, 2007. 340 с.
- Виноградов А.В., Малов А.В.* «Сошлись с ними у Воскресенья в Молодех». Материалы о походе Девлет-Гирея I в Крымской посольской книге 1571–1578 гг. // Единорогъ. материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М.: Квадрига, 2011. С. 202–252.
- Гневашев Д.Е.* К истории ямского строения в Вологодском уезде во второй половине XVI в. // Социальный мир деревни X–XXI вв.: земельные собственники/землевладельцы и земледельцы. XXXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тез. докл. и сообщ. Воронеж, 22–25 сент. 2020 г. М.: Б.и., 2020. С. 23–26.
- Зимин А.А.* Опричнина. М.: Территория, 2001. 447 с.
- Изюмов А.Ф.* Вкладные книги Антониева Сийского монастыря. 1576–1694 (7084–7202) гг. // ЧОИДР. 1917. Кн. 2. С. 1–103.
- Кавельмахер В.В.* Памятники архитектуры древней Александровой слободы. М.: АЛЕВ-В, 2008. 312 с.
- Казакова Н.А.* Летописные известия и предания о пребывании Ивана IV в Вологде // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1978. Вып. 10. С. 200–206.
- Кукушкин И.П.* Вологодская крепость второй половины XVI–XVII века. Вологда: Древности Севера, 2018. 199 с.
- Морозов Б.Н.* Неизвестные документы об Александровской слободе в правление Ивана Грозного (Была ли городом Слобода и действовал ли в ней «дворовый» Посольский приказ?) // Государев двор в истории России XV–XVII столетий: материалы междунар. науч.-практ. конф. Владимир: А. Вохмин, 2006. С. 11–26.
- Назаров В.Д.* Из истории аграрной политики царизма в XVI веке // Советские архивы. 1968. № 3. С. 106–114.
- Назаров В.Д.* Приложение // *Зимин А.А.* Опричнина. М.: Территория, 2001. С. 413–431.

Павлов А.П. Церковная иерархия в системе государственной власти России и учреждение патриаршества // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 76: Religion und Integration im Moskauer Russland. Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen 14.–17. Jahrhundert. Wiesbaden, 2010. S. 65–79.

Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы (Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования). Т. 1: XVI–XVII вв. Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1897. 534, XLVIII с.

Рыков Ю.Д. Еще раз к вопросу о городском статусе Александровской слободы в эпоху царя Ивана Грозного // *Государство и общество в России XV – начала XX века: сб. стат. памяти Н.Е. Носова*. СПб.: Наука, 2007. С. 122–158.

Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб.: Наука, 1992. 571 с.

Усачев А.С. Вологодский епископ Антоний и Русская церковь в период борьбы за власть при дворе в середине 1580-х гг. // *Российская история*. 2018. № 6. С. 136–146.

Усачев А.С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. Т. 1. 472 с.

Усачев А.С. Феодосий Вятка – духовник Ивана Грозного: портрет на фоне эпохи // *Вестник архивиста*. 2021. № 1. С. 11–23.

Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда: Древности Севера, 2012. 576 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.10.2020

THE VOLOGDA DIOCESE AND IVAN IV

A. S. Usachev

Russian State University for the Humanities, Miuskaya sq., 6, GSP-3, 125993, Moscow, Russia
Moscow State Institute of International Relations, Vernadskogo av., 76, 119454, Moscow, Russia
asuuas1@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4436-6269

ResearcherID: T-4824-2017

Scopus Author: 55652752200

The article deals with the reasons of the significant rise of the Vologda diocese's status in the last third of the 16th century. It was an important component of the Russian government's measures aimed at the creation of the reserve residence for Russian Tsar. The necessity of such residence was connected with the tensions at the southern border in the middle of the 1560s. The choice of Vologda was determined, firstly, by the long distance from the southern border; secondly, its location in the center of the Sukhono-Dviskiy road, which linked Russia with the countries of Western Europe. Finally, it was the residence of the Vologda bishop. In 1565, Vologda became the part of oprichnina, and oprichniki began to receive estates on the territory of the district no later than in 1567. The construction of the stone cathedral and the citadel began in the town. The status of Vologda as the center of diocese was formalized: no later than in the summer of 1569, the center of diocese was officially transferred from Ust'-Vym to Vologda. The diocese was moved from the 11th line to the 6th line in the church hierarchy. The territory of diocese was significantly expanded by the joining of the Pomorye, which had earlier belonged to the Novgorod diocese. The Russian government stopped to create the "reserve" capital after the sweeping victory over the troops of Crimea khanate in the summer of 1572 near Molodi. This victory had led to reducing of tensions at the southern border. The economic depression of the 1570s also played its role in stopping of expensive stone building in Vologda. However, the Vologda diocese had saved the new status received at the turn of the 1560s and 1570s.

Key words: Vologda, Vologda Diocese, Russian Church, church hierarchy, oprichnina, Ivan the Terrible, 16th century.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Russian Science Foundation (Project № 20-18-00218). The author expresses his gratitude to M. S. Cherkasova and A. V. Belyakov, who made a number of valuable comments on the text of the work.

References

Antonov, A.V. (2004), "Sentencing certificate of 1566", *Russkiy diplomatariy*, Issue 10, Drevlekhranilishche, Moscow, Russia, pp. 171–182.

- Bashnin, N.V. (2019), "Patrimony of the Vologda Episcopal house of St. Sofia in the Moscow district at the end of the 16th – 18th century", in *Vyzov vremeni: stanovlenie tsentralizovannykh gosudarstv na Vostoke i Zapade Evropy v kontse XV–XVII v.* [The challenge of time: the formation of centralized States in the East and West of Europe at the end of the 15th – 17th centuries], Kaluzh. gos. in-t razvitiya obrazovaniya, Kaluga, Russia, pp. 293–297.
- Cherkasova, M.S. (2012), *Arhivy vologodskih monastyrey i tserkvey XV–XVII vv.: issledovanie i opyt rekonstruktsii* [Archives of Vologda monasteries and churches of the 15th – 17th centuries: research and reconstruction experience], Drevnosti Severa, Vologda, Russia, 576 p.
- Gnevashev, D.E. (2020), "To the history of the Yamsky structure in the Vologda district in the second half of the 16th century", in *Sotsial'nyy mir derevni X–XXI vv.: zemel'nye sobstvenniki/zemlevladel'tsy i zemledel'tsy. XXXVII sessiya Simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. Tez. dokl. i soobshh. Voronezh, 22–25 sent. 2020 g.* [The Social World of the Village in the 10th – 21st Centuries: Landowners/Land Owners and Farmers], n.p., Moscow, Russia, pp. 23–26.
- Izyumov, A.F. (1917), "Contribution books of the Antoniev Siysky monastery. 1576–1694 (7084–7202) gg.", *CHIDR. Kn. 2*, Russia, pp. 1–103.
- Kavelmakher, V.V. (2008), *Pamyatniki arhitektury drevney Aleksandrovoy slobody* [Monuments of architecture of the ancient Alexandrov Sloboda], ALEV-V, Moscow, Russia, 312 p.
- Kazakova, N.A. (1978), "Chronicle news and legends about the stay of Ivan IV in Vologda", *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*, Issue 10, Nauka, Leningrad, Russia, pp. 200–206.
- Kukushkin, I.P. (2018), *Vologodskaya krepost' vtoroy poloviny XVI–XVII veka* [Vologda fortress of the second half of the 16th – 17th century], Drevnosti Severa, Vologda, Russia, 199 p.
- Morozov, B.N. (2006), "Unknown documents about the Alexander Sloboda during the reign of Ivan the Terrible (was it a city of Sloboda and did the "courtyard" Embassy order operate in it?)", in *Gosudarev dvor v istorii Rossii XV – XVII stoletiy: mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 30.X–01.XI.2003 g., Aleksandrov* [Sovereign's court in the history of Russia of the 15th – 17th centuries], A. Vokhmin, Vladimir, Russia, pp. 11–26.
- Nazarov, V.D. (1968), "From the history of agrarian policy of tsarism in the 16th century", *Sovetskie arhivy*, № 3, pp. 106–114.
- Nazarov, V.D. (2001), "The Application", in Zimin, A.A., *Oprichnina* [Oprichnina], Territoriya, Moscow, Russia, pp. 413–431.
- Pavlov, A.P. (2010), "Church hierarchy in the system of state power in Russia and the establishment of the Patriarchate", *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 76: Religion und Integration im Moskauer Russland. Konzepte und Praktiken, Potentiale und Grenzen 14–17. Jahrhundert*, Wiesbaden, Germany, s. 65–79.
- Pokrovsky, I.M. (1897), *Russkie eparhii v XVI–XIX vv., ih otkrytie, sostav i predely (Opyt tserkovno-istoricheskogo, statisticheskogo i geograficheskogo issledovaniya)* [The Russian dioceses in the 16th – 19th centuries, their discovery, structure and borders (Experience of Church-historical, statistical and geographical research)], Vol. 1: XVI–XVII centuries, Tipo-litogr. imp. un-ta, Kazan, Russia, 534, XLVIII p.
- Rykov, Yu.D. (2007), "Once again to the question of the urban status of the Alexander Sloboda in the era of Tsar Ivan the Terrible", in *Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii XV – nachala XX veka: sb. st. pamyati N.E. Nosova* [State and Society in Russia of the 15th – early 20th century], Nauka, St. Petersburg, Russia, pp. 122–158.
- Skrynnikov, R.G. (1992), *Tsarstvo terrora* [The reign of terror], Nauka, St. Petersburg, Russia, 571 p.
- Usachev, A.S. (2018a), "Vologda Bishop Anthony and the Russian Church during the struggle for power at the Russian court in the mid-1580s", *Rossiyskaya istoriya*, № 6, pp. 136–146.
- Usachev, A.S. (2018b), *Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannykh vyhodnykh zapisey* [The Production of Manuscripts in Russia of the 16th century: on the Material of Dated Colophons], Vol. 1, Al'ians-Arkheo, Moscow; St. Petersburg, Russia, 472 p.
- Usachev, A.S. (2021), "Theodosius of Vyatka – the Confessor of Ivan the Terrible: Portrait against the Backdrop of the Era", *Vestnik arhivista*, № 1, pp. 11–23.
- Vinogradov, A.V. (2007), *Russko-krymskie otnosheniya: 50-e – vtoraya polovina 70-h godov XVI veka* [Russian-Crimean relations: the 50s – the second half of the 70s of the 16th century], Part 2, IRI RAS, Moscow, Russia, 340 p.
- Vinogradov, A.V. & A.V. Malov (2011), "'Got together with them at Sunday in Molodeh". Materials about the campaign of Devlet-Giray I in the Crimean Embassy book of 1571–1578", in *Edinorog. Materialy po voennoy istorii Vostochnoy Evropy epohi Srednih vekov i Rannego Novogo vremeni* [Unicorn. Materials on the Military History of Eastern Europe in the Middle Ages and Early Modern Times], Quadriga, Moscow, Russia, pp. 202–252.
- Zimin, A.A. (2001), *Oprichnina* [Oprichnina], Territoriya, Moscow, Russia, 447 p.